

ДОЧЬ ВОЛКА

Андрей Дышев

В СЕЛЬВУ ВИЗА
НЕ НУЖНА

Андрей Михайлович Дышев
В сельву виза не нужна
Серия «Дочь волка и Кирилл Вацура»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3917895
А. Дышев. В сельву виза не нужна: Эксмо;

Аннотация

Месть – сильное чувство. Ради мести люди способны на многое. Но сломя голову полететь в Южную Америку, устроиться на работу к подозрительному плантатору, отправиться с авантюристом в джунгли на поиски золота, без раздумий окунуться в опасную паутину сельвы и, наконец, добраться до самого сердца колумбийского наркокартеля – это уже слишком! Это настоящий экстрим, приключение для самых отчаянных людей. Но Кирилл Вацура не мог поступить иначе. Жажда мести и чувство испепеляющей любви погнали его туда, где человеческая жизнь стоит дешевле стакана тростникового рома...

Содержание

1	5
2	17
3	29
4	39
5	46
6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Дышев

В сельву виза не нужна

Андрей Дышев

* * *

1

Слякотным и промозглым декабрьским утром я вылетал из Шереметьево на аэробусе Ил-восемьдесят шесть в далекий Ла-Пас, имея с собой сто долларов, маленький рюкзак, одноместную палатку, примус, сухпаек на неделю, да складной нож, по своим размерам больше напоминающий мачете. Таких же, как и я пассажиров, летящих в Боливию по путевке на рождество, разместили в салоне второго класса, отличающегося от первоклассного лишь тем, что вместо мартини нам разносили только водку и пепси-колу. Группа активно знакомилась, сплачивалась все крепче и крепче с каждой минутой, по рядам передавали бутылки и пластиковые стаканчики. Гидесса – дама в летах с неестественным для этого времени года загаром, пыталась привлечь внимание рассказом о географических и этнографических особенностях современной Приамазонии, но ее, кроме меня, никто не слушал.

Я сильно отличался от остальных пассажиров внешним видом. На мне не было ни малинового пиджака, ни драпового пальто до пят, ни норковой шапки. Я был одет, мягко говоря, своеобразно: в выцветший горный комбез цвета хаки и кроссовки на толстой подошве. Впрочем, богатая публика, позволившая себе отметить Рождество на противоположной стороне Земли, воспринимала мой внешний вид как обыч-

новенное чудачество, которое было позволительно всем и в любом проявлении.

К несчастью, мне выпало сидеть в среднем ряду, где процесс взаимного знакомства и братания проходил наиболее активно. Не успели мы набрать высоту, как ко мне на колени села изрядно выпившая девица в норковом манто (в тропики собралась!) и, размахивая над моей головой ополовиненной бутылкой шампанского, предложила выпить с ней на брудершафт. Мы особенно не выделялись, потому как подобным делом было занято полсалона.

— Я хочу быть с тобой, — сказала она мне, стряхивая пепел с тонкой сигареты мне на плечо. — Гоша мне надоел. От жмот. А как тебя зовут? Кирилл? А я Аня. Можно Анютка. Гоша меня называет Аннушкой. Я разлила масло на его пути. Это он так говорит. И теперь, если у него что-то не ладится, то виновата я... Только давай не теряться, ага? Ты с бабой или один? Сам по себе? Как кот? А усики бы тебе пошли. Маленькие такие усишки...

Я пообещал Аннушке отпустить усы, но она не отстала, попросила вечно улыбающегося тучного мужчину, который сидел рядом со мной и уже несколько часов подряд пытался познакомиться, немного подвинуться, заняла его место (хорошо, что свободных было полно, и мой сосед пересел на другой ряд) и, щедро налив шампанского в стаканчик, так что пена с шипением поползла по ее руке, заставила меня выпить за наше случайное знакомство.

Это было милое юное создание с бледным лицом и ярко-алыми губами; ее светлые волосы были зачесаны назад и скреплены сзади черной бархатной заколкой, на ушах покачивались тяжелые золотые серьги; белая кофточка с глубоким вырезом спереди, надетая поверх бархатного платья цвета изумруда, оголяла ее округлые плечи и шею, оплетенную ожерельем под жемчуг и золотую цепочку с православным крестиком. Она была мне приятна в сравнении со своим туповатым дружком Гошой, который вскоре подвалил к нам, обнимая рыжую женщину с совершенно безумными глазами и, покачиваясь, долго стоял над нами, пытаясь что-то сказать. Аннушка, игнорируя его, стала меня обнимать, что-то шептать на ухо, и я уже приготовился к воспитательным мероприятиям, на тот случай, если Гоша попытается грубить. Но Гоша лишь с трудом выговорил: "Я тебя больше знать не знаю", а рыжая хлопнула его по груди, сказала: "Правильно!" и утащила в район туалетов.

Полет, в соответствии с пожеланиями экипажа корабля, был приятным. Почти двое суток, оставляя под крыльями Ирландию, Канаду, Кубу, Венесуэллу, Колумбию и Аргентину, летели мы до Ла-Паса. Я надеялся, что Аннушка быстро отвяжется, но она не покидала кресло рядом со мной, много спала, положив голову мне на плечо, а проснувшись, начинала рассказывать о своих подругах. Мой бывший сосед, занявший место впереди, продолжал kleиться, прислушиваясь к нашему разговору, к месту и не к месту вставляя фразы

и не переставал слаживо улыбаться. Мне очень хотелось послать его подальше, но навязчивая мысль о слежке, о моих заклятых врагах Карташом и Валери вынуждала больше помалкивать и слушать нежный голосок Аннушки. Но истории о подругах были банальны и скучны.

Когда праздный народ в самолете выпил все, что мог, пerezнакомился всеми доступными способами, когда всем уже порядком надоел комфортабельный аэробус и услужливые стюардессы, как, собственно говоря, и сам туризм, мы приземлились в аэропорту Ла-Паса.

Из открывшейся дверцы в салон хлынул поток горячего воздуха, словно из доменной печи. Норковые шубы и манто как по команде съехали с дамских плеч, а мужчины стали снимать с себя пиджаки и галстуки. Я не принимал участия в массовом раздевании, потому как был одет вполне по местному сезону. Гидесса, суетясь у выхода, скороговоркой напоминала о вещах, которые не следует забывать, о дисциплине и порядке. Аннушка, которой самолет и Гоша осточертили до предела, взяла меня за рукав и потащила к выходу.

Мы ступили с ней на трап в числе пассажиров из салона первого класса. Аннушка сразу нацепила на нос огромные солнцезащитные очки, отдала мне свое манто, чтобы я нес его и, расталкивая бизнесменов, полетела по трапу вниз.

Я едва поспевал за ней, не понимая, к чему такая спешка на сорокаградусной жаре. Аннушка объяснила, не вдаваясь в подробности:

— Быстрее получим вещи — успеем выпить по стаканчику чего-нибудь прохладительного.

Я думал о том, как отвязаться от Аннушки и назойливой гидессы, как в вестибюле между нами неожиданно вырос мой прилипчивый сосед.

— Я еле угнался за вами, — признался он, вытирая красное и влажное лицо. — Холодненькой кока-колы не желаете?

— Не желаем, — ответила Анна. — И вообще, мы хотим остаться вдвоем.

— Господь с вами! — рассмеялся толстяк. — Пойдемте получать вещи, а то потом будет толкучка.

И он исчез в толпе.

Наш багаж только начали выгружать на крутящийся парапет, как я сразу увидел свой рюкзак.

— Ты меня подождешь? — спросила Аннушка.

Я ответил нечто нечленораздельное.

— Слушай, ты прикольный мужик! Рюкзак-то тебе зачем?

— В поход пойду.

— Правда? В джунгли? Слушай, я всю жизнь мечтала пойти в поход по джунглям. Ты меня с собой возьмешь?

— Я бы с радостью, но ты одета не для джунглей. Встретимся перед обратным вылетом.

Она что-то кричала мне в спину, но я уже быстро проталкивался через пестрый люд. Анна пыталась догнать меня, но посреди зала поломала каблук, которым тотчас запустила в меня. Она метнула его метко, каблук треснул меня по затылку.

ку, но я все равно не остановился.

Солнце заливало площадь, окруженную пальмами, похожую на остров, по которому медленным потоком двигались автомобили, тесно прижимаясь друг к другу, а рядом, по тротуару, не в меньшей тесноте, колыхалась и рябила всеми цветами радуги толпа людей – темноволосых, бронзоволицых. Автомобили нещадно сигналили, горячий воздух с запахом гниющих на жаре фруктов перемешался с тяжелым угаром выхлопов. Уже через минуту я вспотел так, что ткань комбеза прилипла к спине под рюкзаком, а под мышками простирались темные пятна. Я встал рядом с мусорной урной, опустил рюкзак на асфальт и принялся стаскивать куртку. Меня тотчас толкнули чемоданами, затем на ногу наехал какой-то босоногий рикша. Хорошо, что груз, который он вез, не был слишком большим, иначе моя ступня превратилась бы в ласту. Я понял, что через минуту-другую меня либо затопчут, либо завалят мусором и, снова закинув рюкзак за плечи, быстро пошел через площадь.

Под пальмой, на ровно постриженной травке, я, наконец, стащил с себя огрубевшую от пота куртку, оставшись в одной темной майке. Жить сразу стало намного легче.

Мои познания в испанском были весьма скромны, точнее, их вообще не было. Разговорник, которым снабдили меня в туристической фирме, лежал в кармане брюк. Я шел наугад – просто ради того, чтобы хоть что-нибудь делать, как-то двигаться к своей далекой цели, и на ходу листал разго-

ворник. "Знакомства". "В гостинице". "В баре"... Я задел плечом очень крупного мужчину, потного в такой же степени, как и я, и мы гладко скользнули друг о друга. Я подумал, что он тотчас обернется и, как минимум, обложет меня местным матом, но ничего подобного не произошло. Я снова опустил глаза в книжицу, которая должна была помочь мне преодолеть языковой барьер. Вот нужный раздел – "В дороге". "Вы не скажете, в котором часу отправляется поезд в Мадрид?" Вот уж подходящая фраза! Если я сейчас обращусь к кому-нибудь с этим вопросом, то меня моментально отвезут в психушку. "Вы не скажете, как добраться до..." Вот это ближе, хотя тоже сильно отдает маразмом. Не скажете ли вы, уважаемая сеньорита, как добраться до Лимы, столицы Перу?.. Почему так жарко?

Я нашел скамейку, и хотя на ней уже начала плавиться от жары краска, она была свободной. Полчаса я изучал прилагавшуюся к путевке карту Боливии и граничащих с ней стран. Этим надо было заниматься в самолете, подумал я, накрывая голову носовым платком, во всяком случае, в салоне было прохладно, к тому же разносили напитки.

Путеводитель, где были указаны лишь банки, полицейские участки, Российское консульство да агентство Аэрофлота, мало чем помог мне. Я прочитал его от корки до корки, после чего отправил в урну – лишний вес мне ни к чему. Ближайшая задача все еще оставалась нерешенной. Я был слишком самоуверен в себе, когда задумал это путешествие.

Я взялся за лямку рюкзака, как за спасательный круг, однако неожиданно за спиной раздался знакомый голос:

— Какой же ты поганый тип, Кирюша! Бросил девушку в чужом городе.

Я обернулся. Припадая на босую ногу, с бутылкой в одной руке и туфлей без каблука в другой, ко мне приближалась Анна.

— Послушай, зачем ты за мной следишь? — начал сердиться я. — Мне надо решить свои дела. Я не хочу тебя видеть.

— Ну ладно, ладно! — поморщилась она и села рядом. — Сейчас уйду. Не думай, что ты мне очень нужен. Просто я хочу досадить Гоше, этому колорадскому жуку.

Она протянула мне туфлю.

— Отремонтировать можешь?

Я покрутил ее в руке и вернул.

— Ее проще выкинуть.

Анна так и сделала. Сначала одну, затем, сняв с ноги, запустила в кусты другую туфлю.

— В чем же ты будешь ходить?

— В чемодане кроссовки. И вообще, здесь многие женщины ходят босиком. Ну давай же пить, открывай бутылку!.. Послушай, ты такой скучный, что мне хочется выть.

— Я тебя предупреждал.

— Нет, ты меня коварно обманул. Сначала прикинулся туристом, пообещал джунгли, а оказался занудой.

— Я тебе ничего не обещал.

- Ну ладно, не зуди. Откупоривай.
- Я не хочу пить.
- Слушай, Кирилл, я тебя сейчас прихлопну. Ты можешь сделать глоток ради дамы?

Только ради дамы я откупорил бутылку, а это оказалась шипучка, и половина вылилась на ее норковое манто. Аннушка равнодушно стряхнула брызги, пригладила мокрую шерстку ладонью и спросила:

- А тебе здесь нравится?
- Не очень.
- Зачем же ты сюда прилетел? Коммерция? Или что по-круче?

Она теребила в пальцах прядь моих волос над ухом.

- Наркобизнес, – ответил я. – Скупаю кокаин и перевожу его в Россию. Моя третья ходка.
- Врешь, – сразу ответила Аннушка. – Такие котики, как ты, никогда не держали в руках наркотиков, оружия и прочих страшных штучек, а самое рискованное дело для тебя – это проводить даму вечером из кино до подъезда.

- Раскусила.
- Ну вот, видишь. А в самом деле – зачем?
- Я ищу одного человека.
- Женщину? – догадалась Анна.
- Женщину… Все, пресс-конференция закончена.

Она отпила из горла, пена полилась по ее щекам, шее. Аннушка долго держала вино во рту, надув щеки, пока смогла

проглотить.

- И за эту гадость я отдала два бакса. А ты чего не пьешь?
 - Минералки бы ледяной.
 - Так пойдем поищем минералку.
 - А ты не боишься потеряться? Группа, наверное, уже садится в автобус.
 - Нет, не боюсь. В путевке все расписано – где гостиница, как добраться. Такси довезет. Зато Гошик понервничает, по скрипит зубами. Я ему попорчу кровушку, я этому засранцу за все отмщу.
 - За что ты так его?
 - За все! Он жлоб и бабник. Не успели приехать в Шереметьево, как он тут же приkleился к рыжей дуре. Я ему дала в рожу. Он обиделся и забрал у меня деньги. Сотни две осталось.
 - Я вряд ли тебе смогу помочь, – ответил я. – У меня всего сто баксов.
 - Ой! – Аннушка скривилась. – Еще один спонсор! Помогальщик в потертых штанах. Ты думаешь, мне нужен твой тощий бумажник?.. Сейчас допью и пойду. Сиди тут со своим дурацким рюкзаком в обнимку.
- Несколько минут мы сидели молча. Аннушка потягивала из горлышка вино и смотрела на площадь. Манто, словно крупная кошка, клубком свернулось на скамейке между нами.
- Зачем ты это с собой взяла? – спросил я.

- В Москве холодно было. А знаешь, как оно греет? Вот накинь себе на плечи!
 - Да нет, спасибо, я не замерз.
 - Нет, накинь, накинь! Попробуй… Тепло?
 - Тепло.
 - Вот видишь. – Она стянула норку с моих плеч. – А можно кому-нибудь продать. Красивая ведь штучка, правда? Как ты думаешь, за тысячу баксов ее можно продать?
 - Я думаю, что здесь ее никто не купит.
 - А за стольник?
 - Разве что какой-нибудь придурок.
 - Надо искать придурка. Кирилл, по-моему у тебя чутье на придурков. Я видела, какими глазами ты смотрел на Гошика!
- Мое терпение лопнуло. Я встал, потянулся за рюкзаком.
- Ты куда?
 - Анна, нам с тобой в разные стороны.
 - А где твоя сторона?
 - Я еду в Лиму.
 - Ты думаешь, там норку купят?
 - Лима – это столица Перу, другого государства. Учебник для пятого класса средней школы.
 - Ну ладно, – нахмурилась она и кинула бутылку под скамейку. – Не надо учить. Я тебя провожу. Надеюсь, мое общество не слишком тяготит тебя?
- Я пожал плечами. Пусть волочится за мной, сколько хо-

чет, подумал я. В конце-концов, какая мне разница?

2

Через пальмовый газон, грязные улочки и трущобы, повинуясь только интуиции, я вышел на автомобильную трассу и там принял голосовать. Было бы лучше, если бы я повесил себе на грудь табличку с названием города, куда хотел уехать. Но у меня не было ни бумаги, ни ручки. Анна, разомлевшая от вина и солнца, сидела на обочине и дымила сигаретой. Она словно прочитала мои мысли, подобрала с земли кусок фанеры, вынула из сумочки губную помаду.

— Напиши, куда тебе ехать, а то месяц тут проторчишь.

Губная помада на жаре стала мягкой, и на пять букв "Guaky" я истратил ее всю, вернув Анне пустой футляр. Она усмехнулась и выкинула его.

Облака, повисшие зонтиком над белоснежными горами, немного притушили солнечный зной, но все равно больше часа мы бы не выдержали. Едва ли не каждая вторая машина притормаживала, водитель смотрел на надпись, отрицательно качал головой и ехал дальше. Гуаки — приграничный город, расположенный на берегу озера Титикака. Я предполагал, что там может быть курортная зона, которую часто посещают боливийцы, но, как видно, ошибся. Бедный народ не интересовался курортной зоной.

Вскоре рядом с нами тормознул пикап, я началlixорадочно листать разговорник, но пухлогубый водитель, врашая

белками глаз, отрицательно покачал головой, замахал руками и сделал вполне понятное движение пальцами:

— Боливиано? Песо боливиано? — спросил он, интересуясь, сколько я готов заплатить.

Боясь предложить ему слишком много, я не совсем уверенно показал ему пятидесятидолларовую купюру, но водитель мгновенно выхватил ее из моих рук и показал рукой на сидение рядом со мной.

— Надо было предложить ему десять! — зашипела за моей спиной, как жена, Анна и тоже села в кабину.

— А ты куда? — удивился я.

— Тебя одного только за смертью отправлять. Поехали, синьор! Ком, ком!

Мы помчались по шоссе мимо полей, по которым таскали плуги не то быки, не то буйволы, мимо деревенек, сквозь которые прорастали высокие, как мечети, деревья, и когда я уже настроился на долгую и приятную езду, на горизонте, в обрамлении пологих гор, блеснула матовая поверхность озера.

— Что, уже приехали? — удивился я.

Боливиец принял что-то объяснять, но я, разумеется, не понял ни слова. Тогда он вымученно сотворил пару фраз на английском, приняв нас за американцев. Когда мы проскочили дорожный знак с обозначением населенного пункта "GUAKY", я догадался, что он интересуется, куда нас везти дальше. Я сказал:

– Перу. Нам надо в Лиму. Понял?

Он понял, переключил передачу и снова надавил на акселератор. Мы снарядом неслись мимо глиняных домиков, крытых тростниковых крышами, длинных изгородей, ограждающих пастбища, мимо песчаного пляжа с причалами на прогнивших бамбуковых опорах и парусниками с латанными грязно-серыми парусами. Анна не отрывалась от окна, восклицала при виде какой-нибудь диковинки, будь то немытый младенец, купающийся почему-то вместе с утками в грязной луже или протянутые от шеста к шесту веревки, на которых, как белье, сушились на ветру разделанные рыбины.

Вскоре мы подкатили к пограничному посту со шлагбаумом, который приводился в действие при помощи связанной множеством узлов веревки и грозного полисмена, вооруженного дубинкой и длинноствольным ружьем. В очереди на пересечение границы стояли три автомашины. Наш водитель, полагая, что отработал деньги, развернулся в обратном направлении и съехал на обочину.

Я не спешил выйти из машины. Это был удобный наблюдательный пункт. Анна толкала меня в плечо.

– Слушай, через такую границу я с полпинка пройду. Да-дай поспорим. Я зайду в Перу и тут же выйду обратно.

Водитель, наблюдая за работой контрольного пункта, усмехнулся, хлопнул ладонью о ладонь и что-то сказал.

– Хорошо. Только еще раз и, пожалуйста, по-русски, – ответила ему Анна.

– Смотри, смотри! – я ткнул пальцем в стекло.

– Они дают ему бабки, – сказала Анна. – Это для того, чтобы открыть визу?.. Послушайте, – громче сказала она обращаясь к водителю, делая паузы между словами: – А сколько надо долларов? Сколько надо, чтобы открыть? Чтобы пропустил?

Водитель догадался, растопырил перед ее лицом обе ладони.

– Тэн!

– Десять баксов? Всего-то? За такое удовольствие? Тогда вперед! Дон Педро, вперед! Поедем в Перу смотреть на диких обезьян. Они ка-а-к прыгнут!

Но боливиец отрицательно покачал головой:

– Ноу! Ноу!

Я достал из кармана последнюю пятидесятидолларовую купюру. Водитель лишь мельком взглянул на нее и снова замотал головой.

– Ну, Дон Педро! – излишне громко возмутилась Анна. – Мы так не договаривались.

И вдруг к моему изумлению она взяла с сиденья и кинула ему на плечо пахнущее шампанским и духами норковое манто. Это был широкий жест, отдаю Анне должное, и водитель, будучи человеком здравомыслящим и сознающим, что такое везение случается раз в жизни, тотчас завел машину и пристроился в хвост очереди.

– Ура! – потирала от удовольствия ладони Анна. – Обо-

жаю приключения.

– И откуда ты взялась на мою голову? – вздохнул я.

Прошло немного времени, и мы подъехали к шлагбауму. Первый раз в своей жизни я пересек границу десять лет назад, когда летел из Ташкентского аэропорта Тузель в Кабул. Совсем недавно я преодолел рубежи родины в Шереметьево, перед посадкой в самолет до Ла-Паса. Так, как сейчас, я не пересекал границу еще ни разу.

Полисмен махнул дубинкой, подошел к водителю, протянул руку ладонью вверх. Мы с Анной услужливо подали ему свои российские паспорта – ручаюсь головой, он таких не видел еще никогда. Серо-зеленую купюру очень медленно, так, что ее смог бы заметить слепой, опустил в свой паспорт. Водитель же вместо паспорта протянул какую-то сложенную вчетверо бумажку.

Страж порядка, действительно, был немало удивлен, раскрыв наши паспорта. Только деньги его ничуть не удивили, и он спрятал их в карман тренированным и полным достоинства движением. Паспорта он перелистывал от начала и до конца, читая, или, во всяком случае, пытаясь прочесть все, что там было написано. Потом зашел в будку, чем-то постучал там, вышел, осмотрел автомобиль, заглянул в багажник, который водитель открыл ему ударом кулака, после чего вернулся нам паспорта с лиловым штемпелем перуанской визы.

Анна запищала от радости, схватила меня за шею и принялась целовать меня, хотя я вовсе не испытывал такой бур-

ной радости. Наш дон Педро аккуратно проехал под шлагбаумом, приподнятым настолько скрупульто, что металлическая труба едва не оцарапала крышу автомобиля, и помчался по трассе, плавно поднимавшейся в горы.

Не знаю, как он оценил щедрый дар Анны, но поработал этот человек на нас неплохо. С тремя дозаправками, почти без остановок и без отдыха, мы гнали по горной дороге через Кордильеры к океану. Водитель был вынослив, как конь, он легко, так во всяком случае казалось, перенес ночь за рулем, в то время как Анна, свернувшись клубком, спала на заднем сидении, разлегшись на нем, как на диване, а я клевал носом, всматриваясь в красные скалы, наплывающие на нас в лучах фар.

К следующему полудню мы домчали до приморского поселка Пуэрто-Ломас, где жил давний знакомый водителя, и там же, на берегу океана, рядом с рыбакским сараем, с выцветшими от соли и солнца сетями, развешанными на покосившихся стояках, он категорично и однозначно показал нам на дверцы автомобиля. Мы поняли, что больше ничто – ни деньги, которых у меня уже не было, ни подарки, ни просьбы и уговоры не заставят боливийца мчаться дальше в Лиму.

Мы с Анной выползли на прибрежный песок и, пошатываясь, пошли к океану. Бешеная гонка по горному серпантину загасила пыл моей случайной спутницы. Она упала на песок в своем декольтированном бархатном платье цвета изумрудного, в котором щеголяла по салону самолета, и не подава-

ла признаков жизни до тех пор, пока я не сходил к рыбакам и не обменял свой нож на большую вяленую рыбину и кусок черствого хлеба. Запах еды быстро привел девушку в чувство. Она вгрызаясь в мягкое янтарное тело рыбы, вырывала большие куски, постанывая, жевала их, заедая кусочками хлеба.

– У тебя есть деньги? – спросил я.

Она кивнула. Ответить не могла – рот был занят. Вытащила из-под себя сумочку и кинула ее мне.

– Аой!

– Что?

– Аой ио! – Она, делая гримасы, от которых я не мог не рассмеяться, дожевала большой кусок рыбы и повторила: – Открой ее! Там должно быть двести баксов.

Я не привык лазить в дамские сумочки и дождался, когда Анна утолит голод и сама даст мне деньги. Сто, пятьдесят и два раза по двадцать. Я взял полсотни.

– Верну дома.

Анна махнула рукой.

– Да что ты в самом деле! Бери все, они твои. То есть, наши. Мы же теперь вдвоем!

– Надо же, какая щедрая. Тебе надо возвращаться, Анна.

– Это почему мне надо возвращаться? Как я отсюда доберусь до Ла-Паса? Ты хочешь, чтобы меня прибили где-нибудь по дороге в горах?

– Зачем ты со мной поехала?

- А если бы не поехала, то чем бы ты заплатил водителю?
- Пошел бы пешком.
- Пешком! Боюсь, что ты здорово опоздал бы к обратному вылету.
- Ты мне очень напоминаешь одну молодую особу, – сказал я.

Анна хмыкнула и поджала губки.

- Ту особу, к которой ты мчишься очертя голову?
- Допустим.
- У вас, значит, с ней роман? – Слово "роман" она произнесла издевательски-пренебрежительно.
- Ну, что-то вроде того.

Я встал на ноги и протянул ей руку.

- Ты не хочешь искупаться? – спросила Анна, подавая мне ладонь с таким видом, словно я собирался ее поцеловать.

Вместо ответа я рывком поднял ее на ноги, крепко сжал руку выше локтя и подтолкнул к сараю. Она восприняла это как проявление грубой мужской страсти и подчинилась мне, хотя старалась не слишком явно поддаваться и едва передвигала ноги. Я втолкнул ее в сарай, прижал к его дощатой, исполосанной светящимися трещинами стене и положил свою руку ей на шею.

- Ну вот что, крошка, – сквозь зубы процедил я. – Хватит разыгрывать комедию! Не принимай меня за идиота, который ни о чем не догадывается. Кто тебе велел следить за мной? Кто послал тебя? Отвечай или я придуши тебя!

Анна попыталась оторвать мою руку и освободить шею, но у нее ничего не вышло. Она широко раскрыла глаза и закрикнула:

— Ты спятил! Никто меня не посыпал! Ты больной! Ты ма-
ньяк!

— Не ври! — рявкнул я и слегка придавил ее горло.

Анна попыталась ударить меня по лицу. Несколько оплеух достали меня, но я чуть отстранился от нее.

— Придурок! Маньяк! Псих! — кричала Анна, правда, не слишком громко. — Кому ты нужен, чтобы следить за тобой?

— Я тебе не верю, крошка, — сказал я, снова приблизившись к ее лицу. — Я не верю тебе, ясно? Ни слову, ни крику, ни взгляду. И сейчас я буду тебя убивать.

Я произнес это с такой убедительностью, что мне самому стало не по себе. Анна, однако, не показывала страха. Лишь немножко потух ее взгляд и голос стал глушее:

— Ну давай, давай, принимайся, труподел. Изощряйся, людоед.

Я не понимал, что со мной происходит. Я не мог расколоть этот орешек. Я не только бил по нему кувалдой, я подложил его под пресс, но он выдерживал. Все женщины артистки, но не в такой же степени! Анна была готова умереть! Но за что, за какую идею? Ради чего?

Не я, а она меня приперла к стене, заставляя поверить ей. Это была страшная пытка. Я давил ей рукой на горло, выжимая из нее признание, но с каждым мгновением становилось

все хуже и тяжелее мне. Я закричал, словно от невыносимой боли, отшатнулся от нее, и несколько раз ударил по щекам открытой ладонью. Волосы упали ей на лицо и закрыли его.

Шатаясь, я вышел из сарая, побрел к воде, упал на песок. Теплая волна накрыла меня с головой, обняла и поволокла за собой в пучину. Я не сопротивлялся до тех пор, пока не стал тонуть, поднял голову над водой, отышался и сделал несколько сильных гребков к берегу. Очередная волна сначала помогла мне, подтолкнув вперед, но затем, на откате, с удвоенной силой потащила назад. Теперь я уже работал руками без остановки. Каждая волна, будто поддразнивая, приближала меня к берегу, а затем, не позволяя выбраться на него, с силой оттаскивала назад.

Океан игрался мной, как пробкой от вина. Я, наивно полагая, что смогу быстро выбраться на песок, растратил силы, и мои движения становились все более слабыми и беспомощными. Я бил по воде, делал нелепые движения ногами, пытаясь достать дна, но было глубоко, и волны накрывали меня с головой.

Я понял, что не смогу выбраться на берег. Эта мысль пришла внезапно, и столь же отчетливо я понял, что это – истина. Здесь, на этом безлюдном диком берегу, черт знает где, на самом краю света, через десять-пятнадцать минут от силы, я отдам Богу душу.

Я почти равнодушно воспринял собственную готовность к смерти. Я был грешен, мои цели были чернее ночи, я устал,

я запутался...

Вода была горько-соленой. Я стал отплевываться, попытался лечь на спину, чтобы сохранить остаток сил, но меня тотчас накрыло волной, придавило страшной тяжестью, протащило по донному песку, перевернуло ногами к берегу.

Конец был страшен. Я умирал от удушья, я отталкивал себя от dna, но вода втирала меня в песок, закапывала живым, и очень быстро наступил момент, когда я перестал бороться за себя...

Не понимаю, как она нашла меня под водой. Я почувствовал ощутимый рывок за волосы и, очутившись на поверхности воды, вдохнул воздуха, а когда очередная волна снова накрыла меня, то стал кувыркаться в белой пене уже с Анной вдвоем, что было намного легче, чем одному. Она сейчас была сильнее меня, и вовсе не топила, что, по всем законам логики, должна была сделать. Все время оттаскивая меня к берегу, она вырвала меня из волн, и когда я упал на сухой и теплый песок, оставила меня в покое.

Я еще тяжело дышал, не веря в свое невероятное спасение, еще лежал на песке, впитывая в себя его тепло, чувствуя, как берег содрогается под тяжестью падающих волн, а Анна, пошатываясь, увязая по щиколотку в песке, брела куда-то прочь от меня, и потемневшее от воды и налипших водорослей бархатное платье плотно прилипло к ее телу, а мокрые волосы тонкими косичками раскачивались над ее белыми плечами.

Я через силу поднялся и, падая на каждом шагу, словно ноги мои были переломаны, догнал Анну.

– Послушай, – крикнул я, хватая ее за руку. – Прости меня. Прости, Анна… Я сам не знал, что делал… Да остановись же ты!

3

— Ее зовут Валери. А ее отец, ее падре — Августино Карлос. Сомпре не ву, синьорина? Я ее ишу. Шерше ля фам...

Маленькая, темноволосая директриса женской гимназии смотрела на меня с сожалением, как смотрят на убогих и безнадежно ущербных людей, но, вопреки моему безобразному черт знает какому языку, поняла меня, кивнула головой, что-то тихо и мелодично ответила и показала нам с Анной на стулья, которых было великое множество в холле.

Мы сели, рассматривая большие красочные стенды на стенах, повествующие о манерах хорошего тона и новейшей истории Перу. Пахло мастикой и цветочным мылом. По паркету, сложенному елочкой, скользили тени — за большими, неправдоподобно чистыми окнами раскачивались на крепком ветру широколиственные деревья, и сквозь его густую крону вспышками пробивался солнечный свет. Было тихо, торжественно и неуютно, как я всегда чувствую себя в казенных учреждениях вроде школ и институтов. Я блуждал взглядом по бледным стенам, белому потолку, с которого на длинных спиральных шнурах свисали темно-бордовые светильники, по подоконникам, упакованным в толстый слой лаковых белил и тщательно отмытым оконным рамам и фрамугам.

Здесь она ходила. Паркет еще должен помнить ее туфли,

ее мягкий, тихий шажок, которым обязана передвигаться благовоспитанная девица. Она смотрела на эти стены, в эти окна, прислонялась руками к подоконнику и думала о будущем. Когда она училась здесь, меня еще не было в ее жизни, и Валери вряд ли даже могла предположить, сколько человеческих жизней она положит на пути ко мне. О чем она думала в те годы? О чем мечтала? О прекрасной любви, о будущем муже – благородном, красивом и сильном человеке? Или о богатстве, о деньгах, огромных деньгах, которые можно сделать на наркотиках?

Я тряхнул головой. Эта мысль показалась мне дикой и нелепой; девочка в строгом костюме гимназистки, в темных чулочках и туфельках на низком каблуке, в сером платье, хорошо прикрывающем плечи и грудь, с аккуратной прической, уложенной на затылке узлом, и в глазах которой еще нет ничего порочного и циничного – эта девочка не могла спустя всего несколько лет хладнокровно подставлять под гибель людей, мастерски лгать, лицемерить, выкручиваться из любых сложных ситуаций, как гадюка из мокрых рук.

– Ты ее любишь?

Анна вернула меня в реальный мир. Я потер ладонями щеки.

– Что ты спросила?

– Ты слышал… Хотя, можешь и не отвечать. И где ты думаешь теперь искать свою обожаемую гимназисточку?

– Не знаю.

- Вы познакомились в России?
 - Да, в Крыму.
 - Она шла с группой туристов – бронзовая, как статуэтка, красивая, как богиня, в ярко-красном платье, пощелкивая кастаньетами, звеня многочисленными браслетами, и ты не мог оторвать взгляда от ее стройных ножек. Правильно?
 - Почти да.
 - А перед отлетом она пылко и страстно поцеловала тебя, и ты решил, что ее сердце навеки в твоем кармане, и в своем далеком знайном Перу, где так много диких обезьян, она ждет тебя и заливает слезами подушку. Да?
 - Да.
 - И ты стал копить деньги, залез по горло в долги, продал дом, машину, собаку, чтобы купить вожделенный билет, но к сожалению, самолет летел в Ла-Пас, но и это не остановило тебя. Правильно?
 - Да.
- Анна поднялась со стула, встала передо мной, присела у моих ног, внимательно посмотрела в глаза, провела пальцами по щеке.
- Неужели ты и в самом деле думаешь, что она ждет тебя?
 - Думаю, что не ждет.
 - Зачем тогда эти подвиги? Ради чего?
 - Чтобы встретиться с ней.
 - А потом увидеть в ее глазах пустоту и разочарование?
- Ты хочешь убедиться, что ей будет неприятна встреча с то-

бой?

– Нет.

– Но что тогда тебе надо?

Я промолчал. Анна долгим взглядом рассматривала мои глаза, но не стала переспрашивать. В коридоре раздались шаги. Она встала. К нам подошла директриса и пузатый человечек в ярко-оранжевой рубашке, круглоголовый, потный, почти лысый. Он пожал мне руку, сделал какой-то дурацкий реверанс Анне.

– Здравствуйте, меня зовут Мигель, – сказал он по-русски, с небольшим акцентом. – Я учился в Москве, могу вам помочь. Кто вам нужен?

– Валери Августовна. Она когда-то училась в вашей гимназии.

Мигель кивнул.

– Да, да, я помню. Э-э-э... пять лет назад.

– Она недавно была в России, но там мы потеряли друг друга.

– Понимаю. Может быть, она живет у матери в Литве?

– Нет, она недавно вернулась в Лиму.

Мигель посмотрел на директрису, что-то сказал ей, директриса пожала плечами, короткой фразой ответила Мигелю.

– Понимаете, – медленно произнес Мигель, – у Валери нет дома в Лиме.

– Может быть, вы знаете, где живет ее отец – Августино

Карлос?

Мигель и директриса снова мельком переглянулись. Директриса пожала плечами, развела руками и быстро заговорила, обращаясь ко мне. Мигель всю многословную тираду перевел весьма лаконично:

– Нет, отца найти нельзя.

– Нельзя или трудно?

Но директриса уже ослепительно улыбнулась и легким поклоном головы дала понять, что разговор закончен. Мигель почему-то виновато улыбнулся и снова протянул руку.

– Да, к сожалению. Заходите. Всегда рады.

Я брел к выходу. Анна толкнула меня в спину и прошептала:

– Эта классная дама что-то не договаривает.

– Но я не могу заставить ее сказать все.

– Не вешай нос. И для начала скажи мне ясно, на кой черт сдалась тебе эта Валерианна-Марианна?

Неожиданно нас нагнал Мигель. Придерживая под локоть, он вывел меня на улицу, остановил на лестнице и сказал негромко:

– Пройдете прямо до перекрестка и направо. Там рынок. Найдете ряд, где торгуют масками. Увидите толстого торговца – раза в три толще меня, и спросите у него про Августино. Может, он знает. Его зовут Хорхе. Только не говорите, что я послал.

Он показал нам затылок и закатился за двери. Мы с Анной

переглянулись.

— Ну вот, видишь, как все просто, — сказала она. — Хорхе, который торгует на рынке масками. Вперед!

Так как местные водители не подчинялись никаким правилам дорожного движения, нам стоило немалого труда перебраться на противоположную сторону улицы. Лавируя между ними, оглушенные какофонией непрерывных гудков, мы перебежали опасную дорогу. Анне бегать было достаточно трудно, но не только потому, что она все еще была боевой. Ее некогда красивое бархатное платье после купания в океане сжалось и уменьшилось на несколько размеров сразу, подскочив, как курс доллара, на несколько пунктов выше колен. Теперь, стоило ей немного пробежаться или пройти широкими шагами, нижний край платья оголял ее ноги, можно сказать, в полном объеме. Она постоянно одергивала подол, но это было столь же тщетно, как если бы она натягивала на колени майку. Ни один мужчина, мимо которого мы проходили, не остался равнодушным к белокожей девушке, столь смело демонстрирующей свои ножки, и обязательно провожал нас взглядом.

Мы были объектом всеобщего внимания до тех пор, пока не смешались с пестрой толпой на рынке. Анна просматривала левый ряд, а я — правый. Продавцы размахивали руками, горланили, совали нам в лицо ананасы, бананы и апельсины, и отвязаться от них, как от мух, было невозможно. Анна понравилась торговцам, и многие из них, обозначая вос-

торг, дарили ей фрукты. Она машинально брала то, что ей давали, машинально делилась со мной и машинально ела. Это было кстати, потому что мы давно проголодались.

Продуктовые ряды сменились вещевыми, и мы удвоили бдительность. Собственно, почти все торговцы отличались избыточным весом, и нам трудно было отличить толстого от не очень толстого. Хорхе – продавец масок. Что такое маски? Фурнитура для карнавалов? Или маски для подводного плавания?

Анна взяла меня за руку и подвела к прилавку. Под шторкой из разноцветных бумажных лент, которые трепыхались на ветру, были развешаны красочные перья, шары на резинках, декоративные стрелы и копья, деревянные идолы с безобразными физиономиями. Анна толкнула меня локтем и взглядом показала на мальчика-продавца. Я только тогда увидел, что на груди темнокожего мальчика висит деревянная маска с разинутой пастью и узкими прорезями для глаз, украшенная тростником и перьями.

Я щелкнул пальцами, привлекая его внимание. Мальчишка, принимая нас за богатых покупателей, едва ли не лег грудью на прилавок, стараясь быть ближе к нам и демонстрируя готовность обслужить по высшему классу. Он что-то спросил, поймал мой взгляд, тронул рукой маску. Я отрицательно покачал головой.

– Мне нужен Хорхе. Где Хорхе?

Мальчишка кивнул, повернулся и что-то сказал огром-

ному баулу, прислоненному к прилавку. Баулом оказался неимоверно толстый жующий человек в красной майке, из-под которой выкатывалась жировая складка. Человек оперся слоновыми руками о колени, с трудом поднялся на ноги, все еще жуя, вытер руки о тряпку, опустил руки на прилавок, и мальчика сразу не стало видно, как, впрочем, и товара.

Я не представлял, как мы будем с ним общаться. Пока я мычал, мысленно подбирая все известные мне иностранные слова, на помощь пришла Анна. Для начала она выяснила, говорит ли Хорхе по-английски и, получив утвердительный ответ, сказала:

– I am looking Augustino Carlos.¹

Хорхе все еще жевал, глядя на нас безразличными глазами, имеющими легкий красноватый оттенок, и оттого он очень напоминал быка, которого пока еще не разозлили.

– He is in Pucallpa. I've seen a month ago. Why do need Augustino?²

– We are looking for his daughter,³ – ответила Анна.

Хорхе перевел взгляд на меня, оценивающе посмотрел сверху-вниз. Наверное, он оценил меня ниже среднего, потому что слегка скривил губы и снова посмотрел на Анну. Не глядя, опустил руку под прилавок, достал оттуда цветок, сделанный из разноцветной фольги и бижутерии и протянул

¹ Мне нужен Августино Карлос.

² Карлос в Пукальпе. Я видел его там месяц назад. А зачем он вам нужен?

³ Мы разыскиваем его дочь. (англ.)

его Анне.

— А ты неплохо шпаришь по-английски. Где это тебя так выдрессировали? — спросил я, когда мы отошли от прилавка.

— Это моя работа, — ответила Анна с нескрываемой гордостью. — Я работаю в инофирме секретарем-референтом.

— У колорадского жука?

— У него самого.

— И что сказал тебе Хорхе?

Анна, поднося суррогатный цветочек к лицу, ответила:

— Отец твоей красавицы где-то Пукальпе. Месяц назад Хорхе видел там его... Ну, что ты морщишь лоб? Что надумал?

— Я еду в Пукальпу.

— А я с тобой.

Я остановился, повернулся к Анне лицом.

— Послушай меня... Я очень прошу, возвращайся в Ла-Пас, найди группу, поселись в гостинице, ходи на экскурсии и в рестораны. Оставь меня в покое. Ты же видишь, что мне сейчас не до тебя.

— Я не хочу в Ла-Пас, — ответила Анна. — Куда ты меня все время гонишь? Мне интересно с тобой. Особенно хочется посмотреть на красавицу, из-за которой такой видный мужик сошел с ума. Я только гляну на нее — и сразу поеду в Ла-Пас. Договорились?

— Нет, не договорились. Ты должна уехать сегодня. Я не хочу больше тебя здесь видеть.

Анна нахмурилась.

– Кажется, ты еще не понял, что я не выношу, когда со мной разговаривают таким тоном. Один уже пытался меня отшить. До конца своей жизни он теперь будет горько сожалеть об этом.

– Ты меня смертельно напугала.

– Это хорошо. Мужчины должны бояться женщин. Когда боятся – тогда уважают.

Мы стояли посреди торгового ряда и всем мешали. Ноги Анны произвели фурор среди торговцев, и ее снова стали угождать фруктами. Я думал о том, какой аргумент нужен еще, чтобы отправить ее в Ла-Пас. Она, склонив голову набок, щурясь от яркого света, с легкой улыбочкой смотрела на меня. "Ну и черт с тобой! – подумал я. – Ходи за мной, как тень. Больше я ни слова не скажу тебе."

И, повернувшись, пошел к автостоянке, где, тесно прижавшись друг к другу, грелись на солнце грузовики и легковушки.

4

При всей своей нищете перуанцы часто бывают бескорыстны и щедры. Водитель грузовика, разукрашенного желто-зелеными пятнами, смахивающими на обычный армейский камуфляж, ехал до Пукальпы и согласился довезти нас с Анной бесплатно. Он принял нас то ли за французов, то ли за немцев, потому как о чем-то долго рассказывал нам, размахивая руками и захлебываясь от смеха, и из всего сказанного я разобрал только два слова: "Париж" и "Берлин". Анна попыталась объяснить ему, что мы из России, но перуанец, кажется, даже не слышал о такой стране.

Мы переночевали тут же, на стоянке, прямо в кузове грузовика, и рано утром следующего дня отправились в дальний путь. Рюкзак, чтобы он не мешал, я оставил в кузове. Тесно прижавшись друг к другу, мы с Анной сели рядом с водителем.

Он был излишне разговорчив, и его ничуть не смущало, что мы не понимали ни слова. Размахивал руками, активно крутил барабанку, нещадно бил кулаком по сигнальной кнопке, привлекая внимание водителей, идущих на обгон, или девушек, стоящих на обочине.

Грузовик трясясь на ухабистой дороге, с каждым километром поднимаясь все выше в горы. За сутки мы проехали Анды, на восточных склонах которых прилепился маленький

поселок Тенго-Мария.

Быстро стемнело. Узкая дорога, отвесные скалы слева и справа, редкие деревья – все погрузилось во мглу тропической ночи. Я, положив голову на плечо Анне, дремал и раскачивался на сидении из стороны в сторону.

Внезапно раздался хлопок, водитель ударил ногой по педали тормоза и что-то закричал. Вспышка на мгновение выхватила из темноты дорогу, серые скальные стены и перекошенное от испуга лицо перуанца. Следом за ним мы выскочили из машины, и я прижал Анну к засыпанной щебенкой дороге.

– Мое платье, – едва не плакала она. – На что оно будет похоже?

– Ты сумасшедшая, – пробормотал я, пытаясь разобраться в том, что же произошло.

Кузов полыхал, и удущливый дым столбом поднимался вверх. Под ногами валялись развороченные доски и тлеющие мешки с кормом для скота.

– Esto terroristas! – кричал водитель и отчаянно махал нам рукой. – Sientate!⁴

– Что он там бормочет? – поморщился я.

– Что-то про террористов. Послушай, как мы теперь поедем на горящей машине?

Я присел у колес автомобиля и огляделся по сторонам. Вокруг нас никого не было и вряд ли те, кто устроил засаду,

⁴ Это террористы, прячься! (исп.)

напали на нас из этого узкого пространства, где не было выхода и простора для маневров. Вероятнее всего, разбойники бросили в кузов гранату откуда-то сверху, с нависающих над дорогой скал.

Только теперь я вспомнил о рюкзаке, схватился за голову, кинулся было в огонь, но мой порыв быстро угас. Поздно! Огонь сожрал не только мешки с соломой, но и рюкзак, а значит, и палатку, и спальник, и многие другие необходимые мне вещи.

Опасаясь, что террористы могут взять нас на прицел и перестрелять как куропаток, я схватил Анну за руку и, заставляя пригибаться, потащил ее к реке, берег которой густо зарос кустарником. Перепуганный до смерти перуанец, увидев, что мы меняем дислокацию, жалобно закричал и, вместо того, чтобы спасать машину, кинулся вслед за нами.

Мы присели под кустами в нескольких шагах от ревущей воды, разносящей вокруг себя прохладу. Анна, озабоченная выпачканным в пыли платьем, хлопала себя по ягодицам. Я предложил ей свою помощь. Вместо ответа Анна вдруг стянула платье, и, сев на корточки у воды, принялась его стирать.

— Послушай, — сказал я, немало удивленный ее неадекватным поведением, — а ведь если его развесить над горячим кузовом, то оно высохнет в два счета... Может быть, и мне постираться?

Анна не ответила, с размаху ударила по воде скрученным

в жгут платьем. В эту минуту к нам, в кустарник, вломился водитель и, увидев в отблесках огня женщину в неглиже, замер на месте. Я, поймав его дикий взгляд, пожал плечами.

— Что я могу вам сказать? Женщина! — И, снова обращаясь к Анне, спросил: — Не могу поверить, что тебе до сих пор не надоели приключения. Не желаешь пожить в комфортабельной гостинице Ла-Паса?

Террористы не спустились вниз и не перестреляли нас, как куропаток. В кустах, у шумной полноводной реки, мы провели остаток ночи. Перуанец с выражением невыносимой скорби смотрел, как догорает его грузовик, я любовался непривычными созвездиями Южного полушария, а Анна до самого рассвета плескалась в реке — не то стиралась, не то купалась, не то пила. У каждого человека свои странности.

Когда рассвело, к нам, со стороны Лимы, подкатил грузовик. Водитель притормозил рядом с тлеющим кузовом, вышел из кабины, походил вокруг останков машины, перекинулся парой фраз с нашим водителем, затем развернул свою колымагу в обратную сторону.

— В Лиму? — спросил я у него.

Водитель отрицательно покачал головой:

— Тинго-Мария.

Нам ничего больше не оставалось, как возвращаться вместе с ним в Тинго-Марию, а оттуда — в Лиму.

* * *

До вылета нашего самолета оставалось семь дней. Мы не успевали добраться до Пукальпы автомобилем – спасти положение мог только самолет, но на авиабилеты у нас не было денег. Чтобы прожить еще пару дней в Лиме, пришлось купить женские босоножки, снять дешевый номер в гостинице и запастись продуктами, а для этого Анна, не торгуясь долго, продала на рынке свои золотые серьги.

Единственный знакомый нам человек в Лиме был Мигель. Не знаю, почему я так решил, но мне казалось, что этот плутоватый толстячок знает не меньше сотни относительно честных способов зарабатывания денег. В первый же день, как мы вернулись в Лиму, я пошел в гимназию и разыскал там Мигеля. Сначала он испугался моему появлению, но я поспешил объяснить ему, что Хорхе мы нашли и почти добрались до Пукальпы, но помешали террористы, уничтожившие грузовик, на котором мы ехали.

– Чем же я могу вам помочь? – спросил Мигель, демонстративно поглядывая на часы. – Если бы у меня была машина, я отвез бы вас в Пукальпу.

– Мы полетим туда самолетом, – успокоил я его. – Вот только не знаем, как нам заработать на билеты.

В то же мгновение я заметил в глазах Мигеля заинтересованный блеск.

— Заработать, заработать, — бормотал он, морщил лоб, покрытый капельками пота, и мельком поглядывая то на меня, то на часы, то на окно. — Я могу предложить вам одну работу. Это несложно. Вам, белым, тем более... Но... Как бы вас не обнадежить зря... — Он щелкнул пальцами и тихо сказал: — Приходите сюда ко мне завтра утром. Я познакомлю вас с одним человеком.

По дороге в гостиницу я ломал голову над тем, какая работа здесь, в Южной Америке, предназначена для белых, но так ни к чему и не пришел.

В нашем гостиничном номере, больше напоминающем ночлежку для нищих, я застал Анну за любимым занятием: склонившись над гнутым алюминиевым тазом, она мыла голову.

— Ну что, — спросила она, не поворачиваясь, — ты нашел работу?

— Завтра Мигель познакомит меня с нужным человеком.

— И останется шесть дней на все.

— Успеем, — ответил я, но без особой уверенности в голосе.

— Знать бы, — вздохнула Анна, накручивая полотенце на голову, — ради чего такие жертвы?

Я стоял у мутного, запыленного окошка, глядя на улицу. Начался ливень, по асфальту уже текли коричневые ручьи, пенелись, пузырились у водостоков. Люди, накрывая головы пакетами и газетами, разбегались во все стороны к ближайшим навесам. "Знать бы самому, — думал я, — ради чего?"

И чувствовал, что мое отношение к Валери меняется. "Это от усталости. Так бывает. Когда все мысли заняты тем, как быстрее достичь цели, смысл в ней самой иногда теряется..."

"А что мне делать с Анной? К чему она?"

5

Приятель Мигеля был его полной противоположностью — высокий, суховатый, молчаливый, с тоненькими усиками и щетиной на щеках, придающей лицу недобрый и мрачный вид. Одет он был в светлый костюм, курил сигары и источал запах сладкого одеколона. Похоже, что Мигель заранее рассказал ему обо мне и моих проблемах, потому наше знакомство и переход к делу были стремительны.

Мы вышли на улицу, приятель показал рукой на открытое кафе, столики которого располагались прямо на тротуаре, первым сел на стул из белой плетенки и заказал бутылку красного вина, после чего, обращаясь к Мигелю, о чем-то долго и медленно говорил. Я разобрал только слово "Эквадор" и в который раз пожалел о том, что не знаю испанского.

Мигель несколько минут переваривал то, что сказал ему мой работодатель, потягивал винцо, морщил лоб, постукивал пальцами по столу, после чего сказал, что мне предлагается съездить с поручением в столицу Эквадора, а оттуда переправиться в Колумбию, за что я получу хорошие деньги.

— Но кто мне откроет визу для въезда в Эквадор? — спросил я.

Перуанец усмехнулся и махнул рукой. Из его объяснения я понял, что самолетом, конечно, не пропустят, но есть иной надежный путь: добраться автобусом до эквадорской грани-

цы и на контрольном пункте сунуть пограничнику десять долларов. Этот "документ" действует безотказно, похлеще американского паспорта, с которым беспрепятственно пропускают через все южноамериканские границы.

Я согласился. Анна, выслушав меня, сказала:

– Не нравится мне это поручение. Хорошие деньги просто так не платят.

– Но у нас нет выбора.

– Нет. Поэтому завтра же отправляемся в Эквадор.

– Не отправляемся, а отправляюсь. Ты, если хочешь, можешь подождать меня здесь.

– Ты опять?

У нас началась словесная перестрелка, и я начал уже было опасаться, что мы крепко поругаемся, как Анна неожиданно уступила, села на койку и махнула рукой.

– Уболтал. Поезжай один. Но имей ввиду: без тебя я в Лапас не поеду.

За час до отъезда я снова встретился со своим новым знакомым. Тот без лишних пояснений протянул мне аккуратно завернутый в плотную бумагу, перевязанный бечевкой и упакованный в полиэтилен пакет. Я взвесил его в руке, покрутил, подбросил и сказал по-испански фразу, которую учил вчера весь вечер:

– Хорошо, я сделаю все, как надо. Но что это?

Перуанец дымил сигарой и распространял вокруг себя запах одеколона.

— Документы, — ответил он. Это слово я понял и без переводчика Мигеля.

Я благополучно доехал до столицы Эквадора города Кито, почти сутки изнемогая от духоты в автобусе и изучая испанский разговорник, встретился с человеком по имени Валентино, которому должен был отдать пакет.

— Отлично! — сказал Валентино, похлопав меня по плечу. — Завтра собирайся ехать в Колумбию. Отвезешь кое-что.

Мои познания в испанском расширялись поминутно. Я начинал понимать, что мне говорили.

Валентино проводил меня до границы Эквадора с Колумбией. Там еще раз успокоил: перейти ее несложно. Главное, держать себя уверенно.

В приграничной зоне я познакомился со смуглой, симпатичной девушкой, в глазах которой безошибочно угадывалось намерение перебраться в Колумбию. Красотке явно не хватало компаньона, и русский чудак в старой военной форме, который смешно коверкал испанские слова и не пытался, в отличие от местных водителей, сразу стащить с нее джинсы, вполне ей подошел. Вместе с ней я и перешел границу. Сделать это оказалось и в самом деле совсем просто. Шагая все время по хорошо утрамбованной тропинке, миновав какую-то деревушку, мы через несколько часов добрались до Колумбийского города Паста. Там мы и расстались, хотя молодая мигрантка надеялась на развитие отношений. Но я был озабочен только тем, как быстрее выполнить поручение и за-

работать деньги. И еще меня удерживало от любовных приключений воспоминания об Анне. Кажется, я скучал по ней.

Я довольно быстро разыскал того, кому надо было вручить сверток. Все повторилось как и в Кито. Меня похлопали по плечу, взамен свертка дали новый пакет и отвезли назад, к границе с Эквадором. Я не очень понимал смысл всех этих манипуляций, но раз за них обещали заплатить, то добросовестно работал, не очень-то задумываясь над тем, что перевожу из одной страны в другую.

На границе все пассажиры автобуса проходили досмотр личных вещей. Полицейские довольно тщательно обыскивали объемный багаж двух метисов, проверили содержимое чемоданов группы негров, едва ли не раздели какую-то эмоциональную дамочку. Я был спокоен, я ждал своей очереди, и был готов предъявить к досмотру сумку, в которой лежали кусок мыла, банка консервов, туристский нож да пакет для Валентино. Но полицейские, мельком взглянув на меня, прошли дальше.

Этот Валентино был деловым парнем. Как только я вручил ему пакет из Колумбии, тот сразу закрылся в комнате, и вскоре вынес оттуда небольшую стопку купюр.

— Вот, как договаривались, — сказал он, вручая мне деньги. — Пятьсот долларов за работу, а это — за автобус... Сейчас отдыхай — душ, бассейн, а вечером я приглашаю тебя в ресторан.

Я давно так вкусно не ел, и сначала не замечал ни брон-

зовых полуобнаженных танцовщиц на сцене, ни лоснявшихся от пота усатых лиц своих новых знакомых, которых также пригласил в ресторан щедрый Валентино, и с аппетитом налегал на мясо и овощи. В задымленном воздухе витала испанская и английская речь, хлопали пробки от шампанского, сновали между столиками виртуозные официанты.

— Ты хороший работник, — говорил Валентино, тщательно проговаривая слова, чтобы я мог его правильно понять. — Тебя всюду принимают за американца. Потому у полиции ты не вызываешь подозрений... А нас, попади мы в их лапы, они обыщут с ног до головы... Работай с нами, — продолжал он, — и мы будем тебе хорошо платить. Ты купишь себе автомобиль, и у тебя будет много красивых девчонок.

— А что я должен буду делать?

Валентино пожал плечами и развел руки в стороны:

— То, что уже делал — перевозить в Колумбию и обратно посылки. Все очень просто, дорогой Кирилл!

Приятели Валентино дружно рассмеялись. Я сделал вид, что мне тоже смешно. Бокал терпкого красного вина легким хмелем вскружил голову. Мне было жарко. Пот тонкой струйкой стекал по ложбинке между лопаток. Я снова пригубил бокал — на языке висела фраза, которую я давно готовился сказать. Собственно, ничего страшного. Они либо ничего не поймут, либо попросту убьют меня.

— Но Августино обещал мне больше, — наконец сказал я, цепляя вилкой кусок мяса и заталкивая его в рот.

– Какой Августино? – спросил один из дружков Валентино.

Я медленно жевал мясо, размахивая в такт челюсти вилкой. Над столом повисла тишина. Я чувствовал, как мужчины уставились на меня. Пусть подождут, ведь не обязан же я давиться?

Я запил глотком вина, вытер губы салфеткой и кинул ее на тарелку.

– Августино Карлос.

– А что он тебе обещал? – спросил Валентино.

– Свою дочь мне в жены. Валери.

За столом рассмеялись. Напряжение спало. Мой ангел-хранитель вывел меня на правильный путь.

– А где ты встречался с Августино? – спросил Валентино, подливая мне в бокал вина и кладя руку на плечо.

– Месяц назад я видел его в Пукальпе. А потом он куда-то пропал. Ни его, ни Валери.

– Да, – кивнул Валентино. – Это правда. Сейчас он в Боливии, на своем участке.

– А где это – на участке? Ты знаешь точно, где это?

Валентино усмехнулся, склонился над моим ухом и зашептал:

– В сельве, где много золота... Ну ты пей, пей, а потом еще расскажешь сказку, как Августино хотел женить тебя на Валери.

Я продолжал есть, чувствуя на плечах тяжесть руки. Брон-

зовая танцовщица спорхнула со сцены, пошла, раскачивая лоснящимися, как у лошади, бедрами, в проходе между столиков и неожиданно водрузилась на колени одному из приятелей Валентино. Я почувствовал запах ее духов. Танцовщица смотрела на меня, улыбалась, потом сложила губки клубничкой, словно целовала воздух.

Я угостил ее сигаретой и предложил бокал вина. Самое умное, что я могу сделать, подумал я, это как можно быстрей, как можнотише и незаметнее убежать отсюда.

Танцовщица оказалась на моих коленях. Я почувствовал тяжесть сильного мускулистого тела, запах пота, скользкую и гладкую кожу ее руки.

– Как тебя зовут? – спросила она. – Ты – янки?

– Нет, он из России, – ответил за меня Валентино. – Но ты не знаешь такой страны. Иди, девочка, иди. У этого парня уже есть невеста... Я правильно говорю? – спросил он меня.

Я кивнул. В ушах все еще стоял громкий шепот Валентино. Боливия, Боливия. Круг замкнулся. Эти изнурительные поездки по Южной Америке оказались бессмысленными. Августино в Боливии, в сельве, на своем участке. Может быть, это даже недалеко от Ла-Паса.

Я поднял тост за удачу и любовь. Поскучневшая танцовщица вернулась на сцену, оставив мне свой окурок, выпачканный в губной помаде, который я тотчас раздавил ногой. Валентино, подмигнув мне, словно напоминая о том, что ему известно о моей тайне, крепко чокнулся со мной, пролив на

стол немного вина.

* * *

Я не спал до полуночи, прислушиваясь к храпу хозяина за стеной. Затем неслышно поднялся с нар, оделся, закинул сумку за спину и вылез в окно. Огромная луна отражалась на черной поверхности воды бассейна. Пальмы, словно взъерошенные куклы, застыли вдоль дорожки, выложенной красной плиткой. Ко мне беззвучно подскочил огромный дог, молча ткнулся мокрой мордой в руку. Я вздрогнул от неожиданности, но пес меня не тронул, я подкармливал его, и он быстро привык ко мне.

Я сделал два шага вдоль стены дома и остановился напротив открытого окна в комнату, где спал Валентино. Белая шторка подрагивала от его могучего храпа. Я осторожно отодвинул ее в сторону. Призрачный свет луны упал на двухспальню кровать. Валентино спал на животе, широко раскинув руки и ноги.

Я положил сумку под окном, вынул из нее нож, опустил его в карман и влез в комнату. Мягкий ковер приглушал мои шаги. Я осторожно приблизился к спящему, просунул ладонь под подушку, пошарил под кроватью. Во всяком случае, в пределах его досягаемости оружия не было.

Я достал нож, наполовину оттянул лезвие, чтобы нож можно было держать как пистолет. Спросонок не разберет.

Сел на краю кровати, левую руку завел ему под горло, приставил рукоятку ножа к виску и рывком приподнял голову Валентино над кроватью.

Он дернулся, попытался вывернуться, но я еще сильнее сдавил ему горло и сильно ткнул рукояткой ножа в голову.

— Если ты крикнешь, я выстрелю, — сказал я шепотом.

Валентино замер, лишь шумно и часто дышал.

— Что тебе надо? — наконец спросил он.

— Как найти Августино?

— Я же тебе говорил.

— Где его участок?

Валентино, несмотря на свое незавидное положение, хмыкнул:

— В сельве. Карту никто не составлял. Белое пятно. Может, тебя отвести туда?

— Город? Откуда легче добраться?

— Из Оруру. Но я не советую тебе этого делать.

— Кто в Оруру может помочь? Имя?

— Ты наглеешь, парень.

Валентино дернул своей крупной головой. Моя рука заскользила по его потной шее. Я понял, что долго не удержу его в таком положении. Валентино пытался разглядеть, действительно ли я держу пистолет. Я снова ударил его по виску рукояткой.

— Считаю до трех. Раз... Два...

Я понятия не имел, что буду делать, когда дойду до трех,

но Валентино, к счастью, сказал:

– В Оруру сейчас период карнавалов. Там много гринпрес – проматывают деньги. Они могут привести тебя к Августино. Если только… если не убьют раньше.

Я оттолкнул его от себя, ухватился за "пистолет" обеими руками, чтобы Валентино не разглядел его истинного предназначения, и стал пятиться спиной к окну.

– Если шевельнешься – выстрелю, – предупредил я его.

– Иди, иди, – ответил Валентино, потирая шею. – Только не напорись на мою собаку, а то она сожрет тебя.

Я не опускал "пистолета" до тех пор, пока не оказался за окном, затем быстро задернул штору, подхватил сумку и изо всех сил побежал к бассейну, а оттуда – к забору. Дог сопровождал меня до пальмы, которая помогла мне перемахнуть забор и лишь один раз гавкнул, когда я помахал ему на прощанье рукой.

Несколько часов спустя я был уже далеко.

6

– Я бы сразу догадалась, что это контрабанда наркотиков, – сказала Анна. – Пятьсот баксов за перевозку маленькой посылочки – слишком круто.

– Ты меня осуждаешь?

Я сидел на подоконнике, завернутый в простыню, как древнеримский сенатор. Всю мою одежду Анна перстирала и развесила для просушки внизу, во дворе, а я стерег ее из окна.

– Оправданием средств к достижению цели может быть сама цель.

Она все пыталась вытянуть из меня правду, все склоняла меня к откровению, но я и без того слишком много рассказал ей. Анна выждала паузу, надеясь, что я сообщу ей что-нибудь новое, но я промолчал.

– И ежели цели твои благородны, то… Короче, дорога к благим целям всегда вымощена преступлениями. Все это уже было. Не терзай себя.

– А я и не терзаю, – ответил я. – Никто ведь не доказал, что я перевозил наркотики. А вдруг это было лекарство для любимой тетушки Валентино, умирающей в далекой Колумбии?

– Что ж, примем это за рабочую гипотезу… Что ты намерен делать, Цезарь?

- Ехать в Оруру.
- А почему не лететь?
- Нет визы.
- У нас осталось три дня.
- У тебя осталось три дня, – уточнил я.
- На что ты намекаешь?

Я вздохнул.

– Анна, я уже устал обсуждать этот вопрос. Не смотри на меня такими страшными глазами. У тебя своя жизнь, у меня – своя. Ты прилетела сюда отдохнуть, а я – решать свои вопросы.

Она замахала руками, а потом закрыла руками уши.

– Все! Все! Все! Хватит, не могу слушать твое нытье! Не плачь, я скоро отстану от тебя. Довезу до Оруру, а оттуда сразу поеду в Ла-Пас. Ты говоришь, это недалеко?

* * *

Оруру был расположен в самом сердце страны, высоко в горах. Нам показалось, что жители в нем отличаются удивительным жизнелюбием и умением находить для себя всевозможные развлечения. Мы пришли к такому выводу исходя из количества подвыпивших людей, танцевавших прямо на улицах города под вой и хлопки петард и фейерверков. Со всех сторон неслась музыка, причем она не смолкала ни на мгновение даже ночью. Мало того, с наступлением

темноты и прохлады гуляние в городе стало более оживленным. По улицам пошли колонны девушек, на которых только при очень большом желании можно было разглядеть одежду, кривляющиеся клоуны в масках и набедренных тростниковых повязках, усатые бронзоволицые мужчины в кожаных безрукавках и целым арсеналом пистолетов за широкими поясами – не разберешь, настоящих или бутафорных.

Анна просто обалдела от этой хохочущей, поющей, танцующей и пьющей толпы и чуть было не поддалась ее воздействию. Я едва успел придержать ее за руку.

– Куда ты?

– Давай пойдем с ними! – крикнула она.

– Ты теряешь голову, Анна. Лучше выпьем по стаканчику пепси.

Мы протиснулись к столикам открытого кафе и сели за свободный.

– Я хочу шампанского, – сказала Анна. – Много. И фруктов!

С официантами здесь, по-видимому, была напряженка. Сколько я ни крутил головой, никто не изъявлял желания нас обслужить. Пришлось самому идти к стойке.

Сильно выпивший бармен едва шевелился за стойкой, и вокруг него уже образовалась толчея. Я протиснулся поближе к нему, меня толкнули, и я нечаянно задел локтем невысокого коренастого мужичка лет сорока в красной рубахе, завязанной на животе узлом и широкополой шляпе, сдвину-

той на затылок. Не вынимая изо рта крохотный окурок, который, кажется, уже обжигал ему губы, мужичок пробурчал:

- Понаехали янки, жизни от них нет.
- Извини, – сказал я ему.
- За "извини" тут не наливают.
- Эй, бармен! – крикнул я. – Две бутылки шампанского и бокал портвейна.

Оказывается, для того, чтобы привлечь внимание полу-солнечного бармена, достаточно было сильно хлопнуть ладонью по стойке, приклеивая к мокрой полировке долларовую купюру. Меня обслужили мгновенно.

Бутылки я взял в одну руку, а бокал с портвейном пододвинул обиженному мужичку. Он оценил мой жест, оживился, взял бокал, отпил глоток.

– Ты где сидишь?

Я кивнул на столик, где меня дожидалась Анна и стал притискиваться к ней. Мы не успели откупорить первую бутылку и разлить по стаканам, как к нам подсел мой новый знакомый.

– Хуан, – представился он, кивнув Анне. – Хуан, – сказал мне, протягивая крепкую маленькую руку, на безымянном пальце которой поблескивал золотой перстень. – Оказывается, и среди янки попадаются приличные люди.

– Мы не янки, – ответил я. – Мы русские.

– Русские? – удивился Хуан. – Я сегодня уже встречал здесь русских. Как вас сюда занесло?

Он видел, что я с трудом понимаю его и повторил вопрос медленнее.

— Мы туристы.

Хуан понял, закивал, отпил портвейна, повернулся к соседнему столику, попросил сигарету и снова положил локти на наш столик.

— А я немного террорист, — объяснял он, потягивая из своего бокала. — Нашу группировку немного покусали мартышки, и нам пришлось вернуться в город.

— Кто такие мартышки? — не понял я.

— Правительственные войска... Слушай, у бармена есть "Коррида". Взял бы ты пару бутылочек взамен этой кислятины, — и он кивнул на шампанское, словно был абсолютно уверен, что я купил его для него.

Я вынул из кармана несколько купюр и протянул их Хуану. Он не обиделся, оставил в залог свою шляпу, зияющую в нескольких местах дырами и, расталкивая всех подряд, стал протискиваться к стойке.

— Кто это? — спросила Анна.

— Немного террорист. Кажется, я нашел именно того, кто мне нужен. Это золотоискатель. Их называют здесь гринпресос.

— Спроси у него про Августино.

— Рано. Сейчас мы накачаем его как следует, а потом и спросим.

Через минуту Хуан водрузил на стол две бутылки крас-

ногого крепкого вина, надел шляпу на голову и откинулся на спинку стульчика.

– Вам все это нравится? – он кивнул в сторону пестрой толпы.

– Красиво, – ответил я.

Хуан презрительно скривился.

– Они подражают дикарям, снимают штаны и раскрашивают тело узорами. Но, готов поспорить, никто из них даже близко не видел настоящих дикарей.

– А ты видел?

– Я жил среди них и воевал с ними. Вот! – он снова стащил шляпу с головы. – Эти рваные дыры – следы их стрел и копий. А индейцы племени токано, да будет тебе известно, используют только ядовитые стрелы и копья.

Я через слово понимал то, что рассказывал Хуан, но не перебивал его и кивал головой, как бы стимулируя его дальнейшие откровения. Впрочем, общий смысл его рассказа был мне понятен, и пока он говорил про дикарей, можно было не перебивать и не переспрашивать.

– Мартышки сами ни за что бы не справились, – продолжал Хуан, глядя на "Корриду", как бык на красную тряпку. – Они трусливы и в сельву далеко не заходят. Мы с ними редко когда перестреливаемся. Они не заслуживают того, чтобы на них тратить пули. Их проще подкупить, дать немного золота, и они сразу же забывают про свой служебный долг.

– Ты пей, – сказал я ему, придвигая "Корриду". Хуан ждал

этой команды и с удовольствием наполнил свой опустевший бокал. Настроение его улучшилось, и он уже не казался мне мрачным и злым коротышкой. Откинулся на спинку стульчика и, расстегнув рубашку до пупа, стал обмахиваться шляпой.

— Вот янки — с ними труднее. Здесь их никто не любит, потому что наглые и вечно суют свой нос в чужие дела. У них есть вертолеты, и им проще добраться до наших планаций. Вот они в этот раз вместе с мартышками нас и прижали. Мартышки снизу, янки сверху. Мы еле унесли ноги. Два моих приятеля погибли. Царство им небесное!

Он перекрестился слева-направо, поцеловал кончики пальцев и запил глотком вина.

Кажется, Анна ничего не могла разобрать в его рассказе, и она с мольбой в глазах смотрела на меня. Я понял лишь то, что в джунглях была стычка между гринперос и правительственные войсками.

— Это хорошо, что вы русские, — продолжал тем временем Хуан. — Дикиари тоже не любят янки. Они — воры.

— Что значит воры? — я не смог перевести это слово.

— Они делают вид, что борются с мафией, понаставили свои базы, а сами вывозят вертолетами золото, нас же облагают данью.

— Какое золото?

— Обыкновенное! Самородки и песок. Ты что, не знаешь, что почти все реки, которые протекают в сельве, золотонос-

ные?

– Значит, ты ищешь в сельве золото?

Хуан усмехнулся.

– На одном золоте больших денег не заработаешь. Золото надо для того, чтобы расчистить в сельве участок под плантацию, нанять работников, построить дом, пригнать технику.

Слово "плантация" он сказал как "фазенда", что почему-то страшно обрадовало Анну.

– Он фермер? – спросила она меня.

– В какой-то степени, – уклончиво ответил я и спросил, почти уверенный, что Хуан не ответит, какую же культуру выращивает он на своей плантации.

– Коку, – ничуть не смущившись ответил индеец и удивился тому, что я об этом спрашиваю.

Он хмелел не столь стремительно, как бы мне этого хотелось, и я уже мысленно прикидывал, сколько придется еще влить вина в его ненасытное брюхо, чтобы этот производитель коки поведал мне все свои тайны. Я налил ему полный бокал, предложил тост за дам, который не вызвал у Хуана особого подъема чувств, но он все же выпил бокал, как и я, залпом и до дна.

– Послушай, Хуан, – сказал я, вытирая губы от красных "усиков" и заедая кусочком шоколада, который мне подсунула Анна. – Мне рассказывали про одного человека, который хочет объединить индейские племена, чтобы бороться

против янки. Кажется, его зовут Августино Карлос.

Хуан поднял на меня плывущий взгляд, поморщился, покачал головой.

– А-а, старый волк Августино!

– Почему волк?

– Потому что хватает сразу за горло и перегрызает так быстро, что не успеешь даже глазом моргнуть. Он не станет воевать против янки, потому что сам продался им! – Хуан неожиданно ударил кулаком по столу, и бутылки на нем подпрыгнули. – Ты думаешь, что он заботится о дикарях? Или о сельве? Думаешь, что он хочет сберечь золото? Эта гадина хочет превратить сельву в свое государство и заграбастать все плантации коки. Он уже собирает армию, в Америке его поддерживают, хотят провести среди дикарей выборы... Ох, мне смешно! Эти разукрашенные гориллы будут выбирать президента! Можешь не сомневаться, они выберут Августино, ведь он сам выходец из какого-то племени. Тогда он станет единственным хозяином всех кокаиновых плантаций, а янки с его разрешения будут таскать золото.

Вдруг кто-то положил руки на мои и Анны плечи и на чистейшем русском крикнул над самым ухом:

– А-а, попались! Вот вы где, голубчики!

Я обернулся и, к своему величайшему изумлению, увидел толстое лицо моего соседа по самолету, который kleился к нам с Анной всю дорогу. Он был в белой рубашке с расстегнутым воротом, гладко выбрит и, кажется, совершенно

трезв.

– Откуда вы здесь, черт вас подери! – спросил я, сбрасывая его руку со своего плеча.

– От верблюда! А мы здесь, между прочим, всей группой. Приехали на фестиваль.

Хуан оказал нам медвежью услугу, придвинув толстяку стул. Тот тотчас сел, хотя я и Анна не скрывали своих чувств к нему.

– Давайте знакомиться! – излишне возбужденно сказал толстяк и протянул руку Хуану: – Федор Иванович.

– Шаляпин, – добавил я.

– Представьте себе, не Шаляпин! А всего лишь Трофимов. Федор Иванович Трофимов.

– Мы, собственно, не очень вас ждали, – холодно сказала Анна.

– Да, конечно! Но как мир тесен! Вы посмотрите – неделю назад мы потерялись в этой огромной и загадочной стране, вы успели побывать в Перу, Эквадоре и даже Колумбии, и нате вам! Встречаемся на фестивале в Оруру. Разве не чудо?

– А вы неплохо осведомлены о наших путешествиях, – мрачно сказал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.